КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 3 р. 60 к. съ пересылкою. | Выходятъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1893 года. **№ 10.** 16 Мая.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Слово въ недѣлю о слѣпомъ.

«*Отвѣща имъ* (*Фарисеемъ*) *и рече: человѣкъ, нарицаемый Іисусъ, бреніе сотвори и помаза мнѣ очи и рече ми: иди въ купѣль Силоамлю и умыйся: шедъ же и умывся, прозрѣхъ*» (Іоан. 9. 11).

Выслушавъ нынѣшнее евангельское чтеніе о чудесномъ исцѣленіи Спасителемъ слѣпорожденнаго, представляя всю тяжесть его невинныхъ страданій, отъ которыхъ Господь избавилъ сего страдальца, понимая, насколько возможно, ту радость, съ которою увидѣлъ слѣпорожденный красоту Божьяго міра, истинно-вѣрующіе во Христа Спасителя получаютъ утѣшеніе въ своихъ скорбяхъ, укрѣпляясь въ твердой надеждѣ на милость Божію ко всѣмъ страждущимъ. Не ожидая просьбы объ исцѣленіи, не требуя, не испытывая вѣры страдальца въ свое всемогущество, Спаситель, единственно по милосердію къ страждущему, обновляетъ все его существо: тѣлу даруетъ зрѣніе, а душѣ просвѣщеніе вѣрою въ

Него. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, такимъ дѣломъ милосердія своего къ исцѣленному слѣпорожденному Спаситель научаетъ всѣхъ вѣрующихъ въ Него и обязываетъ ихъ быть сострадательными и оказывать посильную помощь страждущимъ ближнимъ.

Нужно ли доказывать, братіе, что сострадание и помощь нашимъ бѣднымъ братьямъ составляютъ важнѣйшую обязанность христіанина, созданнаго, искупленнаго и сохраняемаго въ жизни милосердіемъ Отца Небеснаго? Нужно ли намъ напоминать о милосердіи, когда мы всѣ до единаго живемъ въ сей многотрудной жизни, и труждаемся для наслѣдія вѣчной жизни въ надеждѣ на помощь и милосердіе милостиваго Подателя всѣхъ благъ, какими только пользуемся, Отца щедротъ и Господа Спасителя нашего? Если бы христіанинъ былъ во всемъ вѣрнымъ исполнителемъ своихъ святыхъ обязанностей, тогда не належала бы нужда напоминать о нихъ. Но увы! И общеизвѣстныя и удобоисполнимыя наши обязанности къ Богу и ближнему мы стараемся или сложить съ себя или же забываемъ о нихъ, оправдывая себя въ потребныхъ случаяхъ всевозможными разсужденіями. Такъ случается и въ дѣлахъ милосердія къ страждущей меньшей нашей братіи; забываемъ мы, что милосердіе и состраданіе требуется вѣрою во Христа Спасителя и Его ученіемъ, и что холодное равнодушіе къ бѣдствіямъ ближняго не можетъ быть оправдано никакими соображеніями и расчетами немилосердныхъ и жестокосердныхъ къ бѣднымъ.

Спаситель нашъ заповѣдалъ всѣмъ своимъ послѣдователямъ милосердіе къ ближнимъ, указывая на Отца Небеснаго, какъ на образъ совершенства этой добродѣтели. «Будьте убо милосерди якоже и Отецъ вашъ небесный милосердъ есть» (Лук. 6. 36). Святый апостолъ Павелъ, поясняя эту заповѣдь Спасителя, говоритъ, что, облегчая тяжесть страданій ближняго благотвореніями, христіанинъ исполняетъ законъ Христовъ о любви къ ближнимъ. «Другъ друга тяготы носите и тако исполните законъ Христовъ» (Галат. 6. 2).

Понятно послѣ сего, насколько противны закону Христову равнодушіе и невнимательность къ нуждамъ страждущаго ближняго. Святый евангелистъ Іоаннъ Богословъ такъ училъ увѣровавшихъ

во Христа Спасителя: «иже имать богатство міра сего и видитъ брата своего требующа и затворитъ утробу свою отъ него, како любовь Божія пребываетъ въ немъ! «(Іоан. 3, 17). А святый Іоаннъ Златоустъ, поясняя эту истину, говоритъ, «что отсутствіе милосердія въ христіанинѣ исключаетъ его даже изъ круга людей; ибо и между неразумными тварями замѣчается сочувствіе и помощь во время ихъ страданій» (Бесѣда на Еван. Матѳ.). И всѣмъ намъ извѣстно изъ нашихъ собственныхъ наблюденій, что безсловесныя защищаютъ другъ друга во время опасности, оказываютъ услуги подобнымъ себѣ во время болѣзни и старости. Въ такомъ прирожденномъ чувствѣ состраданія не отказано и человѣку. Но къ сожалѣнію проявляютъ неизмѣнно этотъ законъ природы, согласно закону Христову, только души, неослѣпленныя никакими самолюбивыми расчетами, въ которыхъ еще свѣтится простота, чистота сердечная. Припомнимъ мы лѣта своего дѣтства, когда наша душа еще не знала ни гордости, ни скупости, ни другихъ нечистыхъ и извращающихъ правоту душевную наклонностей. Не сжималось-ли наше сердце при видѣ всякаго рода убожества, нищеты и всякаго рода страданій людей, совершенно намъ чуждыхъ? Не проливали ли мы слезъ, слушая разсказы нашихъ матерей о какихъ либо бѣдствіяхъ людей,—или, глубоко внимая плачевнымъ пѣснямъ нищихъ слѣпцовъ и другихъ калѣкъ перехожихъ? И во дни юности нашей, когда начинали мы книжное ученіе и впервые слушали исторію о страданіяхъ патріарха Іосифа, брошеннаго въ яму на голодную смерть и потомъ проданнаго его братьями изъ дома родительскаго въ страну далекую, людямъ чужимъ и жестокимъ, не болѣло ли наше сердце отъ одного сочувствія къ страданіямъ этого невиннаго отрока? Но наше самолюбіе, этотъ главный и злой врагъ милосердія къ страждущимъ, подавляетъ въ доброй съ дѣтства душѣ это святое чувство; самолюбіе ослѣпляетъ душу и бываетъ причиною того, что и послѣдователи Христова ученія не только отворачиваются отъ страждущаго и обездоленнаго, но еще измышляютъ къ тому различныя, будтобы, основательныя причины для оправданія своего жестокосердія.

Такъ часто говорятъ, что они не имѣютъ особенныхъ средствъ, чтобы еще благотворить неимущимъ. Но въ комъ истинная лю-

бовь къ ближнему не оскудѣла, тотъ не скажетъ, имѣя кое-что: «мы сами малоимущи, идите далѣе»... Безъ всякаго сомнѣнія эта причина отказа бѣдному основательна, если только она дѣйствительна, а не измышлена, и не прикрываетъ нашей скупости. Евангельская вдовица безъ приглашенія, по влеченію своего добраго сердца, вынула и положила все свое имущество въ жертву, не говоря о себѣ, что она сама мало имѣетъ. И отъ состраданія къ нищетѣ и убожеству немного требуется, но требуется, чтобы и немногое давалось всегда съ искреннею любовью и участіемъ къ просящему. Слово божіе такъ говоритъ о завѣщаніи одного добросердечнаго отца своему сыну. «Да не отвратиши лица твоего отъ всякаго нищаго: яко же будетъ тебѣ по множеству, твори отъ нихъ милостыню; аще мало тебѣ будетъ,—по малу да не боишися творити милостыню» (Товит. 4, 8).

Не рѣдко слышатся и такого рода самооправданія при отказѣ помощи бѣднымъ: «мы трудимся для обезпеченія въ будущемъ себя и своихъ дѣтей». Но Господь заповѣдалъ христіанамъ о своемъ будущемъ болѣе надѣяться на промыслъ Божій, чѣмъ на свои сбереженія и сокровища. При томъ же нужно помнить, что человѣкъ не можетъ навѣрно обезопасить себя, когда не можетъ знать числа дней своей жизни, а между тѣмъ знаетъ изъ слова Божія, что наша жизнь «пара есть, яко вмалѣ является и потомъ же исчезаетъ» (Іак. 4, 14) и что въ загробную жизнь пойдутъ съ нами одни добрыя дѣла, дѣла любви и милосердія къ ближнему. Если же угодно будетъ милости Божіей продлить нашу жизнь до лѣтъ старости, то всегда ли можно расчитывать, что наши сокровища не уйдутъ отъ насъ неожиданно, вопреки нашимъ расчетамъ и предположеніямъ? Примѣры извѣстны каждому изъ насъ, какъ много людей, по видимому, хорошо обепезченныхъ, неожиданно разорялись и кончали свою жизнь въ крайней нищетѣ. Не благоразумнѣе ли, поэтому, собирать сокровища для неба, гдѣ онѣ могли бы всегда пребывать съ нами? облегчая страданія ближнихъ, онѣ могли-бы и насъ ограждать отъ несчастій въ сей жизни, а въ будущей приготовить намъ воздаяніе отъ Господа. «Милуяй нища взаимъ даетъ Богови», говоритъ слово Божіе. «Блаженъ разумѣваяй на нища и убога, въ день лютъ избавитъ его Господь», говоритъ

святый пророкъ Давидъ (Пс. 40, 2). Что же касается скопленія для своихъ дѣтей богатаго наслѣдства, то благоразуміе требуетъ имѣть въ виду вопросъ: послужитъ ли дѣтямъ наслѣдство отцовское въ пользу, или же оно будетъ для нихъ источникомъ злодѣяній и преждевременной погибели? Нерѣдкость слышать и видѣть, что богатые наслѣдники ни Богу, ни ближнему, ни себѣ не употребляютъ во благо отцовскаго наслѣдства, являются представителями блудныхъ сыновъ нашего времени. Думали ли родятели такихъ наслѣдниковъ, что такой жалкій конецъ настанетъ для ихъ дѣтей и для ихъ имуществъ, для стяжанія которыхъ они перенесли столько трудовъ, опасностей и огорченій, а можетъ быть не разъ кривили душей и употребили немало незаконныхъ способовъ пріобрѣтенія? Да! Понятно всякому, что будущность какъ наша, такъ и нашихъ дѣтей тогда только можетъ свѣтить намъ опрадною надеждою, когда семейство наше проникнуто глубокимъ сознаніемъ и исполненіемъ обязанностей закона Христова о милосердіи и чистой любви къ ближнимъ нашимъ.

Наконецъ отказываются помочь несчастному ближнему, обращая вниманіе на ихъ личность; одного знаютъ, какъ человѣка съ преступными привычками, другого считаютъ лѣнивымъ и при томъ очень требовательнымъ. Такимъ просителямъ о помощи даютъ обыкновенно совѣты трудиться и зарабатывать средства къ жизни. Нерѣдко на долю такихъ достается не мало упрековъ. Но отказъ въ помощи по симъ причинамъ и въ такихъ формахъ показываетъ недостатокъ любви къ ближнему. Сама бѣдность, какъ извѣстно, бываетъ причиною многихъ пороковъ; а посему не нужно прилагать къ грѣхамъ бѣднаго и свой грѣхъ осужденія ближняго, но горвздо честнѣе будетъ, если мы своею помощію сколько нибудь дадимъ несчастному оправиться отъ порока. Можетъ случиться, что, при содѣйствіи Господнемъ, онъ съ нашего именно подаянія начнетъ возставать отъ паденія, тронутый нашею любовію къ нему, а въ такомъ случаѣ мы и сами избѣжимъ грѣха осужденія, и загладимъ другія свои прегрѣшенія. «Обративый грѣшника отъ заблужденія путей его избавитъ душу отъ смерти и покрыетъ множество грѣховъ» (своихъ), говоритъ свят. апостолъ Іаковъ (Гал. 5, 20). А наши совѣты нищимъ болѣе трудиться, чѣмъ просить, совѣты съ упреками пока-

зываютъ жестокость нашего сердца. Тяжелы такія отношенія собратій къ бѣдствующимъ, особенно тогда, когда они касаются людей по истинѣ несчастныхъ. Представимъ для примѣра отца, на которомъ лежитъ трудъ пропитать большое семейство, но который и малосиленъ и не находитъ посильной работы не день, другой, а цѣлые недѣли и мѣсяцы, употребивши уже все, что было у него самаго необходимаго. Какъ ему поддержать существованіе своей семьи, какъ не просьбою о подаяніи ему помощи? Стоны и слезы дѣтей, и голодныхъ и не одѣтыхъ, терзаютъ его сердце такъ жестоко, что онъ не радъ своей жизни; въ минуты сильнаго душевнаго страданія онъ готовъ отказаться отъ жизни, еслибь любовь къ своимъ дѣтямъ не удерживала его руки. Каково ему выслушивать холодные совѣты съ упреками тѣхъ, къ прощенію у которыхъ онъ вынужденъ крайностію своего положенія? Подумаемъ, съ какимъ болѣзненнымъ чувствомъ онъ выйдетъ отъ насъ и явится къ своему убогому семейству! Отъ своего глубокаго сердечнаго страданія онъ свою печаль можетъ вознести къ Богу и восплачетъ предъ Нимъ о нашемъ жестокосердіи, а слезы такого рода достигаютъ престола Отца Небеснаго. Тогда и намъ нечего ожидать милости Божіей; ибо говоритъ слово Божіе: «нѣсть милости, не сотворшимъ милости». Премудрый сынъ Сираховъ учитъ: «сердца раздраженнаго не превозмути., отъ требующаго не отврати очей и не даждь мѣста человѣку кляти тя; кленущаго тя въ горести души своея мольбу услышитъ сотворивый тя» (Сирах. 4, 6). Допустимъ даже, что нашими жертвами воспользуются люди недостойные. Но и въ такихъ случаяхъ наша жертва не теряетъ цѣны въ глазахъ Господа Спасителя нашего, который повелѣлъ: «просящему у тебе дай», (Лук. 6, 30), а не сказалъ: разсуждай кому и сколько дать и стоитъ ли благотворить просящему». Но, если равнодущіе можетъ найти высказанныя извиненія въ отношеніи къ нѣкоторымъ бѣднякамъ, то холодность къ страдальцамъ, подобнымъ упоминаемому въ нынѣшнемъ Евангеліи—слѣпымъ не можетъ быть оправдана никакими объясненіями, кромѣ собственной бѣдности отказывающихъ въ помощи просителямъ сего разряда. Всякій видитъ, что слѣпой лишенъ свободы своихъ дѣйствій, лишенъ всѣхъ способовъ обороны отъ насилія, обмана; лишенъ способности къ правильному труду для

своего пропитанія: вся его жизнь зависитъ отъ благодѣтельной руки и милосердія братолюбцевъ и христолюбцевъ. Онъ терпитъ часто не по своей винѣ всевозможныя нужды и по тѣлу и по душѣ. Самъ Господь имѣетъ особенное попеченіе о слѣпыхъ, умудряя ихъ, сколько возможно, находить въ своемъ душевномъ мірѣ способы облегченія въ несеніи своего тяжелаго креста, «Господь умудряетъ слѣпцы», замѣтилъ еще пророкъ Давидъ (Псал. 33). Только крайнее жестокосердіе не можетъ тронуться плачевными пѣснями и мольбами слѣпца, когда онъ весь отъ головы до ногъ— вопіющая жалость! Христіанское милосердіе внимаетъ мольбамъ сихъ страдальцевъ болѣе, чѣмъ другимъ просителямъ милостыни. Составились цѣлыя благотворительныя общества, взявшія на себя трудъ и давшія денежныя средства доставлять по возможности не только содержаніе, но и устроить для слѣпыхъ и особенно для молодыхъ слѣпцовъ учебныя заведенія для обученія ихъ возможному труду. А святая церковь съ своей стороны, согласно Высочайшей волѣ нашего христолюбиваго Царя, въ настоящую недѣлю чрезъ своихъ довѣренныхъ лицъ заботится о сборѣ пожертвованій отъ всѣхъ милосердныхъ братолюбцевъ на облегченіе плачевной доли слѣпыхъ, находящихся въ большомъ числѣ во всемъ нашемъ отечествѣ. Не мало уже устроено благодѣтельныхъ учрежденій: пріютовъ, училищъ, убѣжищъ для слѣпыхъ на эти жертвы. Но сколько еще и въ нашемъ градѣ мы видимъ этихъ страдальцевъ, безпріютныхъ, брошенныхъ и сидящихъ на улицѣ съ плачевною просьбою подать Христа ради, хоть одну копѣечку слѣпому на пропитаніе?! Удѣлимъ же, бр., на облегченіе доли этихъ страдальцевъ и мы, братіе, хоть эту одну просимую «копѣечку» отъ своихъ трудовъ во имя Христово, во имя нашей христіанской любви, вѣруя и надѣясь на милость къ намъ Господа и помня Его утѣшительныя слова: «рука дающаго не оскудѣетъ».—Аминь.

Священникъ *Михаилъ Линчевскій*.

Въ защиту Кіевскаго митрополита Петра Могилы.

(*Продолженіе*).

2) *Вступленіе П. Могилы на кіево-печерскую архимандрію*. Въ ряду мнѣній о причинахъ, побудившихъ знатнаго молдавскаго воеводича занять кіево-печерскую архимандрію,—существуетъ въ нашей литературѣ и слѣдующее: желаніе Могилы получить мѣсто архимандрита въ богатой матеріальными средствами кіево-печерской обители, и поступленія на оное не были явленіями исключительными, необыкновенными, такъ какъ въ то время высшія іерархическія мѣста, дававшія право на пользованіе богатыми монастырскими или епископскими имѣніями, почти всегда были замѣщаемы людьми высшихъ свѣтскихъ классовъ; мѣста эти были доходною статьею знати, жадной до всего, что представляло матеріальныя выгоды. Дѣлая такое сопоставленіе, изслѣдователи естественно бросаютъ на Петра Могилу ту нравственную тѣнь, которая лежитъ на нѣкоторыхъ южно-русскихъ іерархахъ (особенно конца XVI стол.), принимавшихъ духовный санъ по житейскимъ разсчетамъ: ясно даютъ понять (даже дѣлаютъ прямые выводы), что матеріальными разсчетами руководился и молдавскій воеводичъ, добиваясь управленія кіево-печерскою архимандріею [1]).—Г. Кулишъ не только раздѣляетъ это мнѣніе (разумѣемъ его указанія на *богатства* Могилы, заботы о личныхъ интересахъ—«приватахъ», и т. п.), но даже заявляетъ, что поступленіе П. Могилы на кіево-печерскую архимандрію было осуществленіемъ козней католиковъ и протестантовъ (аристократовъ). «Знаменитый домъ Замойскихъ,—говоритъ авторъ «Отпаденія Малороссіи отъ Польши»,—нѣкогда православный, теперь католическій, озаботился этимъ дѣломъ. Ему помогали окатоличенные Русины,—Потоцкіе, готовые окатоличиться литво-русскіе князя Корыбуты—Вишневецкіе, такіе же князья Радивиллы и многіе православные паны, отличавшіеся отъ поляковъ только вѣрою, *которую въ душѣ признавали полуересью*, или «*вѣрою*

---

[1]) Представители кіев. учености, *П. Пекарскаго* (*Отечест. Зап.* 1862 г. № 2, стр. 575–576).

хлопскою», но съ которою не хотѣли, покамѣстъ, разставаться. Русскіе протестанты, терявшіе, со времени Скарги, одного знатнаго представителя своего за другимъ, присоединились охотно къ этой *церковно-соціальной лигѣ, и общими стараніями возвели въ санъ архимандрита Кіево-Печерской Лавры Петра Могилу»* (I, 176—177),— такого человѣка, какъ мы уже слышали отъ г. Кулиша, въ пользу православія котораго говорятъ не всѣ свидѣтельства.

Насколько вышеприведенныя мнѣнія стоятъ въ противорѣчіи съ историческими данными, можно видѣть изъ нижеслѣдующаго.

Профессоръ Е. Е. Голубинскій — высокоуважаемый рецензетъ на наше сочиненіе: «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники, Кіевъ 1883 г., вып. 1-й»,—по данному вопросу высказываетъ слѣдующія соображенія: «Петръ Могила постригся въ монашество одновременно съ тѣмъ какъ занять мѣсто архимандрита. Отсюда естественно дѣлаютъ то заключеніе, что онъ пошелъ въ монахи именно ради этого архимандричьяго мѣста... Но существуютъ данныя, которыя могутъ быть приводимы какъ рѣшительное доказательство, что дѣло было не такъ. Тотчасъ послѣ постриженія въ монашество и вмѣстѣ съ симъ по занятіи архимандричьяго мѣста, Петръ Могила предпринялъ веденіе келейныхъ записокъ. Если бы мы положительнымъ образомъ не знали, что записки принадлежатъ человѣку, только что вчера постригшемуся въ монахи, то мы никакъ бы этого не подумали: онѣ настолько проникнуты духомъ монашескимъ и настолько обнаруживаютъ знаніе монашества съ его психологической стороны (какъ подвига), что рѣшительно заставляютъ предполагать въ авторѣ ихъ человѣка монашествующаго давно, совсѣмъ воспитавшаго себя въ монашествѣ и успѣвшаго вполнѣ проникнуться имъ. Это ясно даетъ знать, что Могила началъ воспитывать себя въ монашествѣ задолго до того, какъ сталъ дѣйствительнымъ монахомъ, или иначе ясно даетъ знать, что онъ принялъ намѣреніе пойти въ монахи задолго до того, какъ осуществилъ его на самомъ дѣлѣ. Вмѣстѣ съ убѣдительнымъ свидѣтельстомъ записокъ могутъ быть приведены и другія указанія...,—именно, что постригшись въ монахи въ такихъ годахъ, когда уже вступаютъ въ супружество (30-ти лѣтъ), онъ оставался дотолѣ холостымъ,—что еще въ свѣтскомъ званіи онъ занимался

переводомъ съ греческаго одной нравоучительной книги (главизнъ поучительныхъ діакона Агапита)» [1]).

Этотъ выводъ глубокомыслящаго историка объ аскетическомъ настроеніи Петра Могилы еще задолго до принятія имъ монашества можетъ быть подтвержденъ и другими фактическими данными.

Въ проповѣди, произнесенной «електомъ» на мстиславскую епископію Сильвестромъ Коссовымъ при погребеніи своего предшественника по каѳедрѣ Іосифа Бобриковича, находится слѣдующее, доселѣ остававшееся неизвѣстнымъ, біографическое свѣдѣніе о П. Могилѣ. Молдавскій воеводичъ, будучи еще *въ свѣтскомъ званіи* впалъ въ тяжкую болѣзнь, отъ которой выздоровѣлъ чудеснымъ содѣйствіемъ пользовавшагося глубокимъ уваженіемъ за святость жизни *Креховскаго законника Герасима*, въ то время уже *семь лѣтъ въ Бозѣ почившаго.* Когда случилось это чудесное событіе, за невозможностію для насъ въ настоящее время опредѣлить годъ кончины законника Герасима, указать съ точностію не можемъ; но случилось оно — какъ замѣчено — *до принятія монашества* Петромъ Могилою. Во всякомъ случаѣ, означенное обстоятельство въ жизни нашего митрополита чрезвычайно важно для характеристики его личности. Не въ этомъ-ли обстоятельствѣ и слѣдуетъ усматривать причину развивавшагося въ Могилѣ стремленія къ иноческой жизни? Да и самое молитвенное обращеніе съ просьбою о помощи къ славящемуся святостію жизни иноку-подвижнику не было ли слѣдствіемъ особеннаго значенія въ глазахъ молдавскаго воеводича подвиговъ аскетическихъ?.. Какъ бы то ни было, но еще *за пять лѣтъ* до принятія П. Могилою монашества мы видимъ его оставившимъ «рыцарскія забавы» и погруженнымъ въ изученіе произведеній *аскетическаго содержанія.* Въ 1888 году на археологическую выставку, устроенную Львовскимъ Ставропигіальнымъ Институтомъ, доставлена была изъ Подгорѣцкаго монастыря рукопись подъ заглавіемъ: «*Книга души, нарицаемая злото, полезная, о наслѣдованю Господа Бога и Спаса нашего Іс. Христа і о пріймованю Божественныхъ таинъ особомъ духовнымъ и*

[1]) Отчетъ о двадцать-седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова. Спб. 1885 г., стр. 63—64.

свѣтскимъ, и проч. Книга эта, хотя и не есть оригиналъ, какъ полагало лице, ее доставившее, а позднѣйшая копія съ добавленіями переписчиковъ (предмова до чительника не принадлежитъ П. Могилѣ), но чрезвычайно важна указаніями: во 1-хъ, что она составлена трудолюбіемъ Петра Могилы, воеводича землѣ Молдавской, (милостію Божію архимандрита св. вел. Лавры Печерской въ Кіевѣ) [1]), и во 2 хъ опредѣленною датою ея составленія, относимаго *къ 1623 году*.

Эти данныя, въ связи съ вышеприведенными Е. Е. Голубинскимъ, ясно показываютъ, сколь несправедливо при уясненіи побужденій, руководившихъ П. Могилою при занятіи имъ кіево-печерской архимандріи, выдвигать на первый планъ своекорыстныя цѣли и сопоставлять его въ этомъ отношеніи съ недостойными южно-русскими іерархами конца XVI столѣтія... Къ сказанному слѣдуетъ присовокупить, что и впослѣдствіи,—по вступленіи на кіево-печерскую архимандрію, а затѣмъ и кіевскую митрополію,—П. Могила велъ жизнь подвижническую, можно сказать, аскетическую. Свидѣтельства объ этомъ идутъ отъ современниковъ, даже нерасположенныхъ къ знаменитому митрополиту... Аскетизмъ Петра Могилы простирался до того, что онъ подъ блестящимъ своимъ одѣяніемъ постоянно носилъ «острую власяницу», «стискалъ и умерщвлялъ свое тѣло тяжкимъ полувѣромъ и желѣзнымъ ланцугомъ», и—вообще умѣренный въ употребленіи пищи—налагалъ на себя продолжительные посты (въ первую и страстную недѣли великаго поста не принималъ пищи въ теченіи трехъ дней).

Указывая на склонность П. Могилы къ иноческой жизни, мы не думаемъ выставлять ее *единственною* причиною его поступленія на кіево-печерскую архимандрію. Во 1-хъ, склонность эта могла быть удовлетворена принятіемъ званія рядоваго (простаго) инока (чего мы не видимъ); во 2-хъ, при глубокомъ уваженіи Могилою означеннаго званія, онъ дорожилъ прерогативами высокаго положенія, а главное по своему энергическому характеру не способенъ былъ къ жизни замкнутой, къ дѣятельности, ограничиваю-

[1]) Поставленное въ скобкахъ, безъ сомнѣнія, есть добавленіе переписчика, служащее къ опредѣленію времени (начальной) переписки.

щейся тѣсными предѣлами монашеской кельи.—Для выясненія причинъ, побудившихъ знатнаго молдавскаго воеводича домогаться кіево-печерской архимандріи, независимо отъ склонности П. Могилы къ иноческой жизни, нужно обратить вниманіе на особенное, исключительное положеніе тогдашней южно-русской православной церкви и на отношенія къ сему положенію лучшихъ людей того времени, къ числу которыхъ принадлежалъ и самъ Петръ Могила.

По данному вопросу еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ нами высказано было слѣдующее мнѣніе, котораго всецѣло мы держимся и въ настоящее время.

«Въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія въ то время, когда Могила избралъ мѣстомъ своего жительства Польскую Корону, въ западно-русскихъ областяхъ, входившихъ въ ея составъ, происходила самая оживленная религіозная борьба. Латино-уніатская пропаганда, сопровождавшаяся стѣсненіемъ совѣсти православныхъ отнятіемъ у нихъ прежнихъ вольностей, ограниченіемъ ихъ правъ и т. п. репрессивными мѣрами,—вызывала со стороны православныхъ южно-русцевъ сильные протесты. Вопросы вѣры сдѣлались насущными вопросами дня и всѣ лучшіе люди того времени считали своею священною обязанностію принимать въ рѣшеніи ихъ самое живое, непосредственное участіе. Всѣ прочія дѣла отодвигались на задній планъ. На частныхъ собраніяхъ, съ церковныхъ каѳедръ, въ судахъ, на сеймикахъ, вездѣ слышны разсужденія, жалобы и просьбы православныхъ о религіозной свободѣ, о церкви, о нарушенныхъ, чрезъ введеніе уніи, правахъ... Очевидно, что такое религіозное одушевленіе въ средѣ южно-русскаго народонаселенія не могло укрыться отъ П. Могилы и не могло не произвести на его воспріимчивую натуру глубокаго впечатлѣнія. Потомокъ заявившихъ себя горячею ревностію къ православной вѣрѣ молдо-влахійскихъ воеводъ, съ юныхъ лѣтъ видѣвшій передъ собою живые примѣры благочестія, воспитанникъ львовскаго братства, поставившаго главною своею задачею борьбу съ иновѣрною пропагандою и утвержденіе православныхъ въ вѣрѣ отцевъ,—Могила не могъ «сердцемъ не возболѣзновать, видячи то уставичне, ижъ лжебратія православія святаго суть барзо тяжкими и насильствующими православнымъ разными досадами и обидами». Общее рели-

гіозное движеніе увлекло Могилу—и онъ примыкаетъ къ кругу передовыхъ личностей того времени, горячо ратовавшихъ за дѣло православія. Онъ часто (какъ усматривается изъ его собственноручныхъ записокъ) начинаетъ посѣщать Кіевъ, сдѣлавшійся къ этому времени средоточнымъ пунктомъ лучшихъ южно-русскихъ силъ, и входитъ по дѣламъ, касающимся религіозныхъ предметовъ въ сношенія съ православными іерархами и особенно съ митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ, знакомымъ ему съ молодыхъ лѣтъ и дружественно къ нему расположеннымъ. Но Петръ Могила—какъ извѣстно—не былъ человѣкомъ дюжиннымъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ личностей, которыя если отдаются какому либо дѣлу, то отдаются ему всецѣло, посвящаютъ на его служеніе всѣ свои силы, оставаясь вѣрными излюбленной ими идеѣ до конца жизни. Неудивительно, что такое святое возвышенное дѣло, какимъ въ разсматриваемое время была въ глазахъ всего южно-русскаго народонаселенія борьба съ противными православію началами, дѣло въ ряду защитниковъ котораго стояли всѣ лучшія наличныя силы южно-русскаго общества,—поразило Могилу своею грандіозностію и онъ рѣшился посвятить на служеніе ему всю свою жизнь и всецѣло соединить съ нимъ свои личные интересы... Въ это время умираетъ Захарія Копыстенскій. Мѣсто архимандрита въ Кіево-Печерской Лаврѣ становится празднымъ. Такъ какъ означенная обитель была въ разсматриваемое время однимъ изъ главныхъ религіозныхъ центровъ въ юго-западной Руси и ея настоятели распространяли свое вліяніе далеко за предѣлы монастырскихъ владѣній,—то естественно, что освободившееся мѣсто Могила нашелъ вполнѣ соотвѣтствовавшимъ его широкимъ планамъ относительно открывшейся передъ нимъ борьбы за интересы православія и, поэтому, усиленно сталъ домагаться означеннаго мѣста. Оно сдѣлалось дорогимъ для него, какъ одно изъ лучшихъ средствъ для осуществленія его завѣтной мысли—возвеличенія православной церкви. Важное положеніе кіево-печерскаго архимандрита въ ряду прочихъ южно-русскихъ іерарховъ и большіе доходы, находившіеся въ его распоряженіи, *высоко цѣнились Могилою,—но цѣнились преимущественно потому, что онъ во всемъ этомъ видѣлъ твердую*

опору, надежныя средства для борьбы съ могущественными противниками, сильно притѣснявшими православную церковь».

Но во всякомъ случаѣ—могутъ возразить—самый фактъ поступленія П. Могилы обставленъ былъ неблаговидными поступками со стороны послѣдняго. «Противъ избранія Петра Могилы архимандритомъ,—говоритъ г. Кулишъ,—печерская братія *возстала всѣми своими силами. Пря* о немъ продолжалось *два года*. Онъ восторжествовалъ надъ оппозиціею вслѣдствіе поддержки канцлера Замойскаго» (*Отпаденіе Малороссіи отъ Польши*. I, 179).

Для уясненія этихъ возраженій обращаемся къ историческимъ даннымъ.

Во первыхъ, невѣрно, что *пря* о. Могилѣ среди лаврской братіи продолжалось *два года*. Предшественникъ его по архимандріи Захарія Копыстенскій скончался *21 марта 1627 года*, а избраніе П. Могилы въ кіево-печерскіе архимандриты воспослѣдовало *6 сентября* того же года. Слѣдовательно, промежутокъ между смертію Копыстенскаго и избраніемъ на его мѣсто Могилы сокращается до *пяти съ половиною мѣсяцевъ* [1]).

Во вторыхъ, о размѣрахъ и характерѣ самой «при» г. Кулишъ имѣетъ превратныя понятія.—Дѣло происходило такъ. Послѣ смерти архимандрита Захаріи Копыстенскаго лаврскіе иноки, совмѣстно съ обывателями, избрали на его мѣсто Θеофана Боярскаго «и съ тоею елекціею по конфирмацію до его королевской милости выправили посродку себе духовенство, просячи о конъфирмацію менованной особе». Но королъ Сигизмундъ III не утвердилъ Боярскаго въ званіи кіево-печерскаго архимандрита и приказалъ произвести новые выборы. Печерская капитула, извѣщая о такомъ рѣшеніи короля, пригласила окрестную шляхту и духовенство на новые выборы въ Житоміръ, такъ какъ въ началѣ сентября въ этомъ городѣ имѣлъ быть провинціальный сеймикъ. Здѣсь (въ Житомірѣ) означенные выборы и состоялись,—именно: «усе духовенство и обыватели, которые до того належали, обрали на архимандрицію печерскую киевскую велможного Петра Могилу, воеводича земль

[1]) Обстоятельную рѣчь объ этомъ см. во II главѣ нашего сочиненія о Кіев. митрополитѣ Петрѣ Могилѣ.

Мулдавскихъ, человѣка высоце знаменитаго, на тотъ станъ ґодноґо, безъ жадное причины водле каноновъ чистаго младенца, а способного и умиетного водле потребы церкви святой».

Но латино-уніатская партія дѣйствительно, — какъ справедливо думаетъ г. Кулишъ, — имѣла виды на подчиненіе себѣ знаменитой Кіево-Печерской Лавры и *съ этою цѣлію выдвинула своего кандидата на архимандрію въ сей обители*, который и явился въ означенное время конкурентомъ П. Могилы Это былъ — «велебный отецъ» *Германъ Тышкевичъ*, состоявшій лѣтъ 15 передъ тѣмъ въ числѣ иночествующей братіи кіево-печерской обители, но затѣмъ измѣнившій православію и перешедшей въ унію. Прежнія связи съ кіево-печерскою братіею, а главнымъ образомъ надежда на сильную поддержку кіевскаго воеводы, находившагося съ Тышкевичемъ въ близкомъ родствѣ, и другихъ сановитыхъ родочей, — и дали поводъ Герману домогаться управленія богатою Кіево-Печерскою Лаврою. Вечеромъ того же дня, когда состоялось въ Житомірѣ избраніе Петра Могилы на кіево-печерскую архимандрію (6 сентября 1627 г.), въ Лаврѣ, по келіямъ монаховъ, разбросаны были *листы* (письма) отъ имени Германа Тышкевича, въ коихъ онъ, называя себя нареченнымъ кіево-печерскимъ архимандритомъ, требовалъ, чтобы братія, кромѣ его, никого другаго не признавала своимъ настоятелемъ. Одновременно съ листами Германа въ Лаврѣ появилось письмо отъ его родственника, житомірскаго старосты пана Тышкевича, гдѣ онъ, заявляя, что не можетъ явиться на выборы архимандрита къ 6 сентября въ Житоміръ, обѣщался пріѣхать для елекціи 13 сентября въ самый Кіевъ вмѣстѣ съ отцемъ Германомъ Тышкевичемъ. Дѣйствительно, въ означенный день житомірскій староста прибылъ въ Кіевъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотъ вооруженныхъ людей и остановился въ мѣстномъ замкѣ. Зная намѣренія п. Тышкевича и имѣя въ виду состоявшееся уже избраніе П. Могилы на архимандрію, печерскіе иноки отправились къ житомірскому старостѣ съ просьбою не вмѣшиваться въ ихъ дѣла и не приводить вооруженныхъ людей къ Лаврѣ, «такъ какъ св. обитель и безъ войска открыта каждому для посѣщенія». Но Тышкевичъ не внялъ этимъ просьбамъ и, въ сопровожденіи о. Германа, «съ пѣхотою и конницею» двинулся къ Лаврѣ,

часть войска обложила монастырь съ разныхъ сторонъ (пѣхота); «съ гвардіею» п. староста проникъ въ самый монастырь и послалъ за намѣстникомъ, котораго «намовлялъ, абы приняли отца Германа Тышкевича на архимандрицію, а его милости пана воеводича молдавскаго абы отступили». Съ подобными же рѣчами обращался староста и къ самой братіи. Но печерскіе иноки нашли такія рѣчи *неподобными* и всѣ *единодушно* (згодне) *заявили, что не отступятъ отъ своего електа, его милости пана воеводича молдавскаго*. Житомірскій староста началъ «фукать», грозить наѣздомъ на монастырь, опустошеніемъ лаврскихъ помѣстій; но иноки твердо стояли на своемъ,—и когда панъ Тышкевичъ велѣлъ составить актъ избранія на кіево-печерскую архимандрію о. Германа и съ своими пріятелями и слугами подписался подъ онымъ, вся братія протестовала противъ такого незаконнаго и самовольнаго поступка въ ихъ обители и занесла свой протестъ по поводу этого въ гродскія книги.

Такимъ образомъ, если и можетъ быть рѣчь о церковно-соціальной лигѣ, имѣвшей въ виду (въ разсматриваемое время) подчинить латино-уніатскому вліянію знаменутую Кіево-Печерскую Лавру,—то къ этой лигѣ, въ качествѣ ея сторонника, никоимъ образомъ нельзя присоединить Петра Могилу. На оборотъ, имя этого высокочтимаго іерарха должно быть полагаемо въ числѣ лицъ, противодѣйствовавшихъ (какъ конкурента Г. Тышкевича) осуществленію замысловъ означенной лиги.

Содѣйствіе канцлера Замоскаго Петру Могилѣ при поступленіи его на кіево-печерскую архимандрію—фактъ историческій. Но содѣйствіе это нужно понимать не въ томъ смыслѣ, что Замойскій производилъ въ данномъ случаѣ *давленіе на кіево-печерскую братію при ея выборахъ себѣ настоятеля*, а въ томъ, что канцлеръ, какъ лице вліятельное при дворѣ, ходатайствовалъ предъ королемъ *объ утвержденіи уже состоявшейся елекціи П. Могилы*. Объ этомъ, *исключительно только объ этомъ*, свидѣтельствуетъ (на что ссылается г. Кулишъ) и самъ Могила: «и того самаго бенефиціумъ, (пишетъ онъ въ посвятительной предмовѣ Замойскому), Архимандріи Кіевской Печерской за презентаціею, залеценемъ и милостивою интерцессіею отъ В. М., моего милостиваго пана

й добродзѣя, *до Маестату Его Королевской милости*, поважнѣ, пильне и праве упрiйме чиненаго, доступилемъ». Это содѣйствiе было результатомъ добрыхъ, издавна установившихся отношенiй между Могилами и фамилiею Замойскихъ. Если примемъ во вниманiе, что одновременно съ Петромъ Могилою передъ королемъ хлопотали и приверженцы ультра-католической партiи о предоставленiи кiево-печерской архимандрiи упомянутому измѣннику православiя, унiату Герману Тышкевичу,—то на ходатайство Замойскаго передъ фанатикомъ Сигизмундомъ III за молдавскаго воеводича должно смотрѣть не иначе, *какъ на услугу православiю*,—хотя бы это ходатайство выходило и изъ стороннихъ побужденiй.

С. Голубевъ

(*Окончанiе слѣдуетъ*)

О живомъ проповѣдническомъ словѣ.

(*Извлеченiе изъ библiографическихъ замѣтокъ „Богословскаго Вѣстника“*) [1].

Преосвященный Амвросiй, архiепископъ харьковскiй въ своемъ сочиненiи о «живомъ словѣ» пишетъ: «У насъ смѣшиваютъ и одинаково называютъ *живымъ словомъ* рѣчи, писанныя дома, заученныя наизустъ и потомъ произнесенныя въ собранiяхъ,—и рѣчи совсѣмъ неписанныя, иногда только дома обдуманныя, или даже на мѣстѣ соображенныя, и потомъ произнесенныя въ собранiяхъ въ томъ порядкѣ и въ тѣхъ выраженiяхъ, какiя сложатся у оратора въ минуту произнесенiя. Надобно отдавать должную дань признательности ораторамъ, заранѣе тщательно обработывающимъ и пишущимъ рѣчи и произносящимъ ихъ *безъ тетрадки* или листочка въ рукахъ. Вотъ преимущество рѣчей, произносимыхъ такимъ образомъ: Когда говорятъ по тетрадкѣ, то углубленiе въ нее или частое заглядыванiе скрываетъ отъ слушателей лице и глаза оратора, въ которыхъ наиболѣе выражаются его внутренняя жизнь и сила одушевленiя,—и тѣмъ ослабляютъ впечатлѣнiе рѣчи на слушателей. Искусство отчетливаго и сильнаго выраженiя мысли

---

[1]) Декабрь 1892 г.

въ голосѣ и даже тѣлодвиженіяхъ, гдѣ они нужны, у оратора связывается тѣмъ, что за содержаніемъ рѣчи онъ постоянно долженъ обращаться къ тетрадкѣ или листку, который онъ иногда вертитъ и мнетъ въ своей рукѣ. Чувствуя себя, такимъ образомъ, привязаннымъ къ тетрадкѣ, ораторъ незамѣтно обращается въ чтеца. Все это вредитъ полному вниманію и сочувствію слушателей... Отъ всѣхъ этихъ недостатковъ въ произношеніи рѣчи свободенъ ораторъ, говорящій наизустъ: онъ безпрепятственно смотритъ на слушателей во всѣ стороны, вліяетъ на нихъ одушевленіемъ своего лица и глазъ, слѣдитъ за силою впечатлѣнія, наконецъ свободно и отрѣшеніемъ отъ тетрадки онъ обнаруживаетъ силу дарованій и присутствіе духа, не остающихся безъ значенія относительно впечатлѣнія на слушателей. Такіе пріемы въ ораторахъ, особенно церковныхъ, весьма желательны. Но при всемъ уваженіи къ рѣчамъ, о которыхъ мы говоримъ, по самому существу дѣла, мы должны сказать, что это совсѣмъ не то, что называется въ тѣснѣйшемъ смыслѣ живымъ или импровизированнымъ словомъ. Для опытнаго слушателя въ писанной и заученной рѣчи сейчасъ видна кабинетная работа; самая постановка вопроса, опредѣленіе главнаго понятія, раскрытіе частныхъ мыслей, послѣдовательность, гладкая, осмотрѣнная, безостановочно льющаяся рѣчь—все обнаруживаетъ обдуманность и отдѣланность рѣчи по всѣхъ правиламъ ученыхъ и ораторскихъ сочиненій. И это при всей силѣ впечатлѣнія безсознательно понимается даже простыми слушателями: «ужъ очень все складно». Признавая затѣмъ служителями живаго слова лишь проповѣдниковъ, произносящихъ свои «слова» экспромтомъ, безъ предварительныхъ записей, но обдумавшихъ напередъ, что именно нужно сказать, преосвященный авторъ «живаго слова» говоритъ: «такія (импровизированныя) рѣчи по преимуществу овладѣваютъ массами. Сильное впечатлѣніе, производимое ими, быстро увеличиваетъ значеніе ораторовъ въ народѣ, покоряетъ имъ умы, дѣлая ихъ любимыми, такъ что они становятся властителями сердецъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ преосвященный Амвросій думаетъ, что «по отношенію къ силѣ ума импровизаторъ долженъ непремѣнно обладать *всѣмъ, что требуется отъ даровитаго и основательнаго писателя* и имѣть еще *добавокъ*,

составляющій особенный его талантъ—живость ума, легкость, удобоподвижность. Безъ сильнаго и живаго ума не можетъ быть импровизатора», хотя, по замѣчанію высокоуважаемаго автора, «есть люди, у которыхъ много храбрости и смѣлости, при недостаткѣ таланта, а импровизиція непремѣнно его требуетъ... Если они говорятъ много и проворно, они легко поддаются искушенію быть импровизаторами на соблазнъ въ храмахъ. Непослѣдовательность и запутанность въ мысляхъ, неточность выраженій, недостатокъ вкуса и чувства приличія въ выборѣ словъ дѣлаетъ этихъ импровизаторовъ людьми опасными въ дѣлѣ служенія церкви. По этому въ отношеніи къ нимъ нужно особенное наблюденіе церковной власти».

Нѣсколько иначе смотрятъ на дѣло приготовленія проповѣди лучшіе нѣмецкіе проповѣдники въ своихъ отзывахъ къ г. Шустеру, генералъ-суперъ—интенденту въ Штутгартѣ. Такъ Клифанъ считаетъ изготовленіе проповѣди на бумагѣ единственно правильнымъ способомъ. По его мнѣнію, проповѣдываніе на основаніи лишь предварительнаго размышленія безусловно приводитъ—если только проповѣдникъ не представляетъ собою человѣка, обладающаго совершенно необычайнымъ богатствомъ ума—приводитъ съ теченіемъ времени къ пустомельству и вѣчнымъ повтореніямъ».

Эдуардъ Фроммель, придворный проповѣдникъ, написалъ: я послѣдовалъ совѣту престарѣлаго священника, который сказалъ: прежде чѣмъ не напишешь тысячи проповѣдей, не рѣшайся ни одной проповѣди произносить на основаніи только размышленія, и я думаю, что онъ правъ. Кто въ священномъ мѣстѣ во имя Божіе возвѣщаетъ слово Божіе, тотъ отвѣчаетъ за каждое слово. Хоть я, конечно, не соглашаюсь съ Понтіемъ Пилатомъ, тѣмъ не менѣе раздѣляю одно его воззрѣніе: «еже писахъ, писахъ». Другой Фроммель, не менѣе извѣстный проповѣдникъ, сообщилъ о себѣ, что онъ съ 35 лѣтъ вполнѣ писалъ каждую проповѣдь, хотя ему не трудно было бы говорить импровизаціи, при пособіи напередъ составленнаго конспекта. Ганноверскій пасторъ Мюнкель отозвался: «такъ какъ способности нашихъ проповѣдниковъ не велики, то импровизированную проповѣдь я считаю великимъ несчастіемъ. Терніе и волчцы появляются на каѳедрѣ, и самые наиболѣе

даровитые проповѣдники не выдерживаютъ послѣдовательности въ мысляхъ и примѣшиваютъ посторонніе предметы». «Пробстъ Бюкнеръ далъ такой отзывъ: «проповѣдникъ, прежде чѣмъ начать говорить съ каѳедры, долженъ точно, т. е. буква въ букву, знать, что онъ скажетъ прихожанамъ. Отступать отъ этого правила въ томъ смыслѣ, чтобы проповѣдникъ отдавалъ себя вдохновенію минуты, значитъ тоже, что искушать Бога. Вообще же для молодыхъ людей, не желающихъ сдѣлаться болтунами, самое лучшее—стоять въ зависимости отъ написаннаго». Главный придворный проповѣдникъ въ Берлинѣ Кегель отвѣтилъ Шустеру: «ваше мнѣніе, что я записываю и заучиваю, вѣрно. Всѣ проповѣди я записываю буквально. Никто столько не грѣшитъ, пользуясь божественнымъ и человѣческимъ словомъ, какъ человѣческое лицо». — Ганноверскій генералъ-суперъинтендентъ Дюстельдикъ писалъ: «только послѣ многолѣтняго писанія проповѣдей талантливый проповѣдникъ можетъ говорить съ каѳедры, не занося на бумагу своей рѣчи. Но и такому проповѣднику слѣдуетъ рекомендовать, какъ можно чаще, предварительно записывать проповѣдь; это спасительная дисциплина. Возраженіе, будто письменно изложенная рѣчь произносится не такъ живо и свѣжо,—совершенно несправедливо».

Въ виду этихъ отзывовъ Шустеръ отдаетъ преимущество записанной проповѣди предъ проповѣдію импровизованною, находя что «при импровизаціи недостаетъ яснаго раскрытія мыслей; нужныя мысли приходятъ на умъ или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно; широковѣщательность и повторенія при этомъ неизбѣжны. Ораторъ не всегда находитъ и соотвѣтствующія слова для выраженія своихъ мыслей; встрѣчаются моменты, когда ораторъ занятъ лишь тѣмъ, чтобы какъ нибудь подыскать форму для выраженія своей мысли; въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ проповѣди рѣчь иногда запутывается и проповѣдь чѣмъ дальше, тѣмъ больше становится тривіальною; въ слѣдствіе этого дѣйствіе проповѣди на слушателей ослабляется, а иногда вмѣсто назиданія она производитъ соблазнъ».

Представляющаяся противоположность во взглядѣ преосвященнаго Амвросія, одного изъ извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ—

архипастырей Русской церкви, на импровизацію церковной проповѣди и въ мнѣніяхъ о ней лучшихъ нѣмецкихъ церковныхъ ораторовъ значительно ослабляется тѣмъ соображеніемъ, что преосвященный Амвросій имѣлъ въ виду проповѣдь при богослуженіи православномъ, въ составѣ котораго она служитъ лишь дополненіемъ, продолжаясь отъ 15 до 30 минутъ, а нѣмецкіе проповѣдники говорятъ объ импровизаціи проповѣди при протестанскомъ богослуженіи, которое само составляетъ не болѣе, какъ краткое дополненіе къ проповѣди, занимающей обыкновенно не менѣе часу времени, а иногда продолжающейся и по два часа, которая потому требуетъ и тщательной обработки и заучиванія, такъ какъ проповѣдь—главное въ воскресномъ протестанскомъ богослуженіи и ея приготовленіе, съ употребленіемъ даже до 10 часовъ на заучиваніе, значительно облегчается для пасторовъ отсутствіемъ у протестантовъ ежедневнаго богослуженія и церковныхъ требъ, при достаточномъ матеріальномъ обезпеченіи пасторовъ.

Впрочемъ преосвященный Амвросій употребленіе импровизаціи не ограничиваетъ кругомъ проповѣдей, произносимыхъ въ церкви при совершеніи главныхъ службъ. Онъ говоритъ: «въ распоряженіи учителей, облеченныхъ авторитетомъ проповѣдниковъ Христовой истины и довѣріемъ народа, и дни и часы народныхъ собраній; они могутъ соединять свое церковное слово со всякою личною бесѣдою съ народомъ—и дома и въ полѣ и на пути; могутъ, по заповѣди апостола, обличать, запрещать, увѣщевать во время и не во время (2. Тим. 4, 2). И—стряхни они съ себя этотъ мертвенный сонъ безучастія и безпечности, который нынѣ овладѣлъ большинствомъ ихъ; проникнись они тою жалостію къ народу, остающемуся безъ руководства,—которая дышетъ въ словахъ Христа Спасителя (Матѳ. 9, 36); пойми они всю силу и злокачественность современныхъ заблужденій; оставь устарѣлыя формы рѣчи, неудобныя для потребностей минуты; заговори они живымъ словомъ убѣжденія и любви: чтобы они могли сдѣлать для народа? Одно представленіе объ этомъ живаго церковнаго слова, какое далъ намъ Спаситель въ своей церкви, способно привести въ восторгъ ревнителей истины и блага человѣчества. Сюда, къ возбуж-

денію и надлежащему направленію этой дѣятельности служителей церкви, должны быть обращены всѣ наши усилія и заботы».

Московскія Церковныя Вѣдомости, приводя мнѣнія преосвященнаго Амвросія о современныхъ требованіяхъ по отношенію къ церковной проповѣди, замѣчаютъ, что обиліе проповѣдническихъ трудовъ у древнихъ отцевъ церкви указываетъ и на форму ихъ проповѣди, т. е. что она была въ большинствѣ импровизацией, и ее мы встрѣчаемъ у великихъ церковныхъ ораторовъ—Василія великаго, Григорія Богослова и особенно у Іоанна Златоустаго; только изрѣдка она была тематическою... Мы можемъ добавить къ сему, что и Кіевъ въ недавнее еще время видѣлъ у себя отличныхъ церковныхъ ораторовъ—импровизаторовъ въ лицѣ б. ректора кіев. дух. академіи, въ послѣдствіи архіепископа херсонскаго Иннокентія и въ кіевскихъ митрополитахъ: Филаретѣ (Амфитеатровѣ), Арсеніѣ и Платонѣ.

Служенія Его Высокопреосвященства.

Торжественныя литургіи совершены Высокопреосвященнымъ митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ Іоанникіемъ въ Кіево Софійскомъ соборѣ:—1-го мая, въ день памяти священномученика, митрополита Макарія, съ обнесеніемъ послѣ литургіи его мощей вокругъ собора при крестномъ ходѣ, и 15 мая, въ день коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ, съ положеннымъ въ сей день послѣ литургіи молебствіемъ. Въ крестномъ ходѣ 1-го мая и въ служеніи молебствія 15 мая участвовали съ Его Высокопреосвященствомъ преосвященные Викаріи, епископы: каневскій *Сильвестръ,* чигиринскій *Іаковъ* и уманскій *Іоанникій,* и большая часть городскаго духовенства, при многочисленномъ стеченіи народа.

Въ праздникъ Вознесенія Господня, 6 мая—совершена Его Высокопреосвященнымъ божественная литургія съ молебствіемъ въ Кіево Флоровскомъ Вознесенскомъ монастырѣ по случаю храмоваго его праздника, и 9 мая, въ день святителя Николая, въ Кіево-Николаевскомъ монастырѣ тоже по случаю храмоваго въ немъ празд-

ника. Въ каѳедральномъ соборѣ литургію и молебствіе, 6 мая, по случаю дня рожденія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника, Цесаревича Вел. Князя Николая Александровича, совершалъ преосвященный Іоанникій, епископъ Чигиринскій, съ соборнымъ духовенствомъ, при участіи въ молебствіи и прочаго городскаго духовенства, на богослуженіяхъ 6 и 15 мая въ соборѣ присутствовали: Его Сіятельство г. начальникъ края, командующій войсками кіев. военнаго округа, кіевскій губернаторъ, генералитетъ и начальствующіе въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, кромѣ массы частныхъ богомольцевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

7) О протестантствѣ въ сравненіи съ православіемъ. Рига, 1889. Цѣна 50 к., съ пересылкою 60 к.

8) Чинъ присоединенія христіанскихъ иновѣрцевъ къ православной церкви, въ нѣмецкомъ переводѣ. Берлинъ, 1885. Цѣна 10 к., съ пересылкою 15 к.

Желающіе пріобрѣсть означенныя изданія свои требованія адресують автору въ г. Ригѣ, Церковная ул. д. № 4-й или въ книжный магазинъ И. Л. Тузова, Спб., Гостинный дворъ № 45.

ПОПРАВКА:

Въ Кіевск. Епарх. Вѣдом., 7. Неоффиціальн. въ концѣ 221 страницы пропущены слѣд. слова: „Много на свѣтѣ труждающихся и обремененныхъ вѣрнѣе же — мы труждающіеся и обремененные". Тамъ же на страницѣ 224, строкѣ 29, вмѣсто „не сдѣлается, не управитъ", слѣдуетъ читать — „*не сдѣлаешься — не управишь*".

Отъ Кіевскаго духовнаго цензурн. Комитета печат. дозвол. 14 мая 1893 г.

Цензоръ, Протоіерей *М. Богдановъ*.

Кіевъ, типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлвоская ул. д. № 4.